

Роль детской скандинавской литературы в формировании северного мифа «счастливой жизни» (хюггё, лагом, сису) в русском сознании

«Хюггё», «лагом», «сису» — эти скандинавские слова уверенно вытеснили из нашего языка и сознания столь модные прежде восточные фэншуй и дзен. И это легко объяснимо: ономастикон, погодный и пространственный менталитет, любовь к лесам, водоемам и рыбной ловле — многое совпадает.

О волне интереса к хюггё, лагом и сису красноречиво говорит разнообразие книг на полках книжных магазинов, которое непрерывно расширяется, и интернет-порталов, посвященных этим вопросам. Готовясь к докладу на конференции, я обнаружила в интернете исландское «*глюггаведур*», обозначающее погоду за окном, причем непременно ненастную, за которой нужно следить, надев теплые носки, с кружкой согревающего напитка и со свечой на подоконнике.

Если попытаться дать этим понятиям общее определение, потому что на самом деле они весьма отличаются, то с большими оговорками это будет состояние душевного равновесия, умение жить сегодняшним днем и радоваться простым вещам.

Сейчас идет явный процесс мифологизации этих северных понятий, постепенно приобретающих черты устойчивых стереотипов с их безусловным принятием либо отрицанием. Как пишет один из отрицателей, «Все это мы уже видели, золотой стандарт инстаграма — вязанные шапки, свитера с оленями, “тимберленды”, романтика северных стран, рюкзаки “Kanken” и икеевские мелочи как апофеоз уюта. Попытки обустроить свою маленькую Исландию в малогабаритной квартире с видом на спальный район стали таким же общим местом, как и ирония по их поводу» [Колпинец].

Однако факт остается фактом: интерес к таким понятиям как хюггё, лагом и сису продолжает в нашей стране расти, и дело здесь, как мне кажется, не только в близости менталитетов и сходстве погодных условий, но и в том, что к этим понятиям мы привыкаем с детства благодаря широкому распространению у нас произведений Андерсена, Линдгрена, Янссона в прекрасных переводах Анны и Петра Ганзен, Лилианны Лунгиной, Людмилы Брауде. Книги этих писателей буквально пропитаны духом этих загадочных скандинавских понятий.

Датское хюггё. Как пишет датский специалист по хюггё Майкл Викинг, «написать и даже произнести “хюгге” гораздо легче, чем объяснить, что это такое». Это посиделки у очага при обязательном ветре и снеге за окном. Это теплое спокойное освещение, неторопливые беседы, плед, книжка, чай и непременно теплые носки. Свечи. Датские булочки и кексы. «И, — как пишет Майк Викинг, — это мое любимое — “какао при свечах”» [Викинг, с. 6].

Мальчик промочил ноги и простудился. Мать уложила его в постель и напоила двумя чашками бузинного чая — отличного потогонного средства. И пока он пил чай, сосед-старичок рассказал ему чудесную историю, — начало сказки Андерсена «Бузинная матушка». Это сказка о семейных ценностях, об уюте повседневности, об умении наслаждаться простыми вещами. Ее герои — самые обыкновенные люди: мальчик и девочка, выросшие в отважного моряка и трудолюбивую девушку. Эта сказка — о том, как в любви, трудах и заботах прошла их жизнь. И вот, состарившись и дожив до золотой свадьбы, они сидят и любовно смотрят друг на друга: «Младший внук плясал вокруг дедушки с бабушкой и радостно кричал, что сегодня вечером у них будет настоящий пир: за ужином подадут настоящий картофель!». И мальчик, вначале настороженно слушавший, как ему казалось, «вовсе не сказку», начинает верить, что сказка все-таки настоящая, потому что «из действительности-то и вырастают самые чудесные сказки» [Андерсен, с. 292–293].

Слово «hygge» появилось в датском языке лишь в конце XIX столетия. В среднедатском оно означало ‘утешать’ или ‘подбадривать’ (см.: [Хюгге...]). Наиболее близкий эквивалент этого слова в русском — это «уют», но у хюггё есть множество дополнительных коннотаций. Хюггё заключается не столько в вещах,

сколько в атмосфере и ощущениях: в ощущении покоя, безмятежности и защищенности от тревог мира.

И хотя сказки Андерсена чаще всего грустны и не скрывают от читателя противоречия и печали настоящей жизни, в них есть все, что создает хюггё. Это — вкус хюггё: чай с ложкой меда, печенье и булочки или рагу с пряностями; звук хюггё: потрескивание горящих дров в камине; запах хюгге: аромат расцветающей розы или яблоч в летнем саду (см.: [Викинг, с. 259–261]).

Шведский лагом означает примерно следующее: ‘не слишком много, не слишком мало — достаточно’. Золотая середина, баланс. Слово старинное, как считают сами шведы, возникло между VIII и XI вв., в эпоху викингов. Согласно легендам, которые приводит в своей книге Элизабет Карлсон — говорящая для нас фамилия, — викинги передавали друг другу по кругу (по-шведски «лагет ом») рог с медовухой, и каждый делал по небольшому глотку, чтобы хватило всем (см.: [Карлсон]).

Чтобы ощутить счастье, считают шведы, достаточно самого простого: прогуляться в парке, подставив лицо солнечным лучам, завести цветы на подоконнике. Лагом — это умение «возделывать свой сад», получая реальный результат, и он может порадовать, даже когда кажется, что жизнь превратилась в рутину и потеряла всякий смысл. Брать от жизни ровно столько сколько нужно — не слишком много — остальным тоже хватит счастья. Отстраниться от суеты и хаоса мира.

Знаменитый Карлсон, веселое творение Астрид Линдгрэн, — казалось бы, вот кто вносит в жизнь сплошной хаос своими проделками. Одна из них — укрощение фрекен Бок, домохозяйки. Однако задумаемся, почему Карлсон укрощает домохозяйку? Разумеется, не только потому, что он шалун и проказник. Она вторгается в его привычный мир со своими жесткими правилами, вносит в его хаос свой собственный, а это уже нарушение гармонии.

Как пишет Элизабет Карлсон, среди любимых занятия шведов — еда и пребывание на воздухе. В произведениях Астрид Линдгрэн мы найдем массу тому примеров. Повесть «Мы — на острове Сальткροка»: дачный день семьи Мелькерсонов обязательно начинается с завтрака на лужайке возле усадьбы, а их сосед Ниссе Гранквист, приглашая жену на вечерний лов са-лаки, захватывает с собой спиртовку, чтобы угостить ее кофе.

Идеальное утро для Мелькера Мелькерсона, героя повести, это когда «можно запросто выйти в пижаме в сад, походить босиком по траве, окунуться у причала, а потом усесться за собственноручно выращенный стол, почитать книгу или газету, выпить кофе, а рядом шумят дети» [Линдгрэн, с. 87].

Или прекрасная сцена из повести «Мадикен», в которой сестрички Мадикен и Лисабет, катаясь по только что замерзшей речке, забредают в соседний хутор, где добрые его хозяева, разумеется, по фамилии Карлссоны, усаживают их за стол и угощают кашей: «— Так, значит. Вы пошли прогуляться на свежем воздухе, — говорит, посмеиваясь, Петрус Карлссон.

У Мадикен и Лисабет рот так набит кашей, что они не могут ответить и только кивают. Тетя Карлссон подвигает им большие ломти хлеба, намазанные маслом. Девочки жуют хлеб с маслом, большими ложками наворачивают кашу. Глядя на них, сразу видно, какая нынче аппетитная погода» [Там же, с. 340].

И потом они осматривают восхитительный двор на хуторе, где им показывают скотный двор, быков, коровушек и теляток, лошадей, кормят обедом, они играют на кухне куклами выросшей дочери хозяев, а за окном валит и валит снег.

Лагом — это когда знаешь, где нужно остановиться.

Может быть, поэтому Карлсон так неожиданно, в самый разгар веселой игры покидает Малыша? Надо остановиться, потому что Малышу пора взрослеть.

Сису — ‘счастье’ по-фински. Иногда это слово называют «слово, объясняющее Финляндию» [Мартен]. Суровые условия, в которых формировался финский характер, — от погодных до исторических — выработали уникальное качество финнов: «стойкость, стремление не сдаваться перед лицом трудностей» [Пантзар, с. 266]; ставить перед собой сложные задачи (см.: [Там же, с. 264]). Обладая этими качествами, можно добиться успеха и счастья. Как видим, финское понятие счастья более суровое. Скандинавская практичность, приправленная разумной долей выдержки, выработала культуру стойкости. Но сису — это не просто твердость характера.

В своей книге о сису Катя Пантзар приводит слова финской исследовательницы сису Эмилии Лати: «Когда люди говорят о *сису* и пытаются его описать, они показывают скорее

на область живота, а не на грудь. <...> *сису* подобно физическому воплощению психологической стойкости» [Там же, с. 54].

Финские филологи относят начало использования слова «сису» к XVI в., когда оно появилось в письменных текстах и означало и черту характера или свойство натуры, и внутренности или внутреннюю часть чего-либо, ту часть человеческого тела, которая испытывает сильные эмоции. Сису имеет две стороны: когда его слишком много, человек может стать злобным, упертым, неспособным сделать шаг назад, когда мудрее было бы отступить. Важно, чтобы сису использовалось разумно (см.: [Там же, с. 58–59]).

Если хюггё связано прежде всего с домашним уютом, теплом и свечами, то семантику сису иллюстрируют более резкие и динамичные образы. Это — погружение в холодную воду, сауна; это интенсивное переживание природы: для финнов лес что-то вроде церкви или храма. Финны не боятся быть мрачными или грустными, эти настроения также являются составной частью сису и оттого социально приемлемы.

Ну а литературная пропаганда сису — это, конечно же, сказки Туве Янссон о мумми-тролях. Здесь и уютная мама Мумитролля, и сам Мумми-троль, полный радости и здравого смысла, и мемуарист папа, и вечный путешественник Снусмумрик, и деятельная малышка Мю.

Эти сказки проникнуты сису, построены по законам сису, как, например, «Весенняя песня», в которой Снусмумрик возвращается домой с юга: «Идти было легко, потому что рюкзак за спиной был все равно что пуст, и ничто на свете не огорчало Снусмумрика. Он был доволен лесом, погодой и самим собой. День завтрашний и день вчерашний были одинаково далеки от него, а сейчас ярко-багровое солнце светило меж березами, да и воздух был свеж и ласков. Этот вечер создан для песни, — подумал Снусмумрик. — Для новой песни, в которой затаилось бы немного ожидания, чуть побольше весенней грусти, а под конец — одно лишь непреодолимое восхищение тем, что можно бродить по свету и быть одному — в полном ладу с собой» [Янссон, с. 539].

Разумеется, скандинавская культура — это отнюдь не пастораль. В прошлом это экспансия викингов, пантеон не самых дружелюбных суровых богов. Это и пессимизм литературной

классики: К. Гамсун, А. Стриндберг, сумрачный Ларс фон Триер. Скандинавские ценности размеренной разумной жизни, рекомендуемые не нарушать уют, не высовываться, не считать себя лучше других, загоняют внутрь возможные проявления недовольства, которые, накапливаясь, могут прорываться в драматической и мрачной форме. И все же обаяние северного мифа отрицать невозможно. А пропущенный через радость детского сознания, он становится еще более притягательным.

Список литературы

Андерсен Г. Х. Сказки / [пер. П. Г. Ганзен, А. В. Ганзен]. М. : Изд. дом Мещерякова, 2017. 312 с.

Викинг М. Хюгге. Секрет датского счастья / [пер. с англ. В. Степановой]. М. : Колибри, 2017. 287 с.

Карлсон Э. Лагом. Шведские секреты счастливой жизни / [пер. с англ. Ю. Змеевой]. М. : Эксмо, 2017. 207 с.

Колпинец К. Агрессивная скромность хюгге: почему нам не нужен датский уют // Нож. 2017. 4 окт. [Электронный ресурс]. URL: <https://knife.media/hygge/> (дата обращения: 20.02.2019).

Линдгрен А. Собр. соч. : в 6 т. Т. 5 : Мы — на острове Сальткрока ; Мадикен ; Мадикен и Пимс из Юнибаккена. СПб. : Азбука ; Кн. дом «Терра», 1998. 542, [2] с.

Мартен П. Сису: финский ключ к жизни, любви, успеху. 2018. Март. [Электронный ресурс]. URL: <https://finland.fi/ru/kultura-i-iskusstvo/56951/> (дата обращения: 20.02.2019).

Пантзар К. Сису: поиск источника отваги, силы и счастья по-фински / [пер. с англ. Е. Погосян]. М. : АСТ ; Времена, 2018. 287 с.

Хюгге: датский способ быть счастливым. 2017. 25 сент. [Электронный ресурс]. URL: <https://newtonew.com/culture/hyugge-datskiy-sposob-byt-schastlivym/> (дата обращения: 20.02.2019).

Янссон Т. Все о муми-троллях / [пер. со швед. Н. Беляковой, Л. Брауде, Е. Паклиной]. СПб. : Азбука ; Азбука-Аттикус, 2016. 526 с.